

A young girl with a braid sits on a rocky shore, looking out at a misty sea. The scene is atmospheric, with soft light and birds in the distance.

История маленькой девочки

Drozdova Drozdova

История маленькой девочки

<https://litres.ru/74611803>

SelfPub; 2026

Аннотация

«История маленькой девочки» — трогательная и сильная история о взрослении, стойкости и способности любить даже в самых непростых обстоятельствах.

Главная героиня родилась и выросла в Магадане, по стечению обстоятельств переехала в Санкт Петербург. В 20 лет она столкнулась с тяжёлой утратой — потеряла родителей и оказалась единственной опорой для маленького брата. На её долю выпало немало испытаний, но именно они закалили её характер и научили ценить каждый миг.

Поворотным моментом стала встреча с важным для неё человеком — она обрела поддержку и смогла построить свою семью. Теперь она не только заботится о брате, но и стала мамой для собственной дочки, принимая на себя роль и опекуна, и любящей матери.

Эта книга о том, как боль и потери могут стать основой для невероятной внутренней силы, а любовь и ответственность — смыслом и опорой в жизни.

Содержание

История 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Drozdova

История

маленькой девочки

История 1

Иногда мне кажется, что я всё ещё маленькая девочка. Встаю по утрам, слышу, как мама готовит завтрак и планирует свой выходной. Сейчас мне 27 лет, и я уже сама мама — та мама, которая готовит завтраки по утрам, планирует день и как провести время с семьёй. Я — мама, а в душе я всё ещё ребёнок, который хочет обнять свою маму, которой, к сожалению, уже нет.

Мам, эту книгу я посвящаю тебе.

Потерять близких — это как шагнуть в ледяную тишину, где каждый вдох даётся с трудом. Я потеряла четверых людей, которые были мне бесконечно дороги, — и будто прошла сквозь пламя и сквозь воду: всё горело, всё смывало, а я всё равно шла дальше. Это невыносимо тяжело — не просто прощаться, а учиться жить в мире, где их больше нет, заново собирать себя по крупинкам, привыкать к этой новой, пустой тишине. Учиться

жить заново — не потому, что хочется, а потому что жизнь тихо шепчет: «Ты всё ещё здесь. Значит, нужно дышать» #

Я выросла в прекрасном, но суровом городе — Магадане. Там зима будто проверяла на прочность: ветер резал лицо, снег скрипел под ботинками, а тишина была такой густой, что в ней можно было утонуть. Но в этой суровости было и своё величие — скалы, упрямые, как люди, и море, которое не терпело слабости. Я впитывала эту строгость, даже не зная, что она однажды станет моим каркасом — тем, что не даст рассыпаться.

В пятнадцать жизнь повернулась на 360 градусов. Чемодан, аэропорт, билет в один конец — и вот я в Санкт-Петербурге. Город встретил меня не объятиями, а ветром с Невы, который, казалось, шептал: «Ты здесь чужая». Я поступила в колледж туризма и гостиничного сервиса, училась улыбаться так, чтобы улыбка выглядела настоящей, даже когда внутри всё сжималось. Ходила по театрам — потому что там было тепло. Потому что там кто-то другой проживал чужую боль, и это странным образом помогало мне дышать.

Но город меня не принимал от слова совсем. Каждый день был как экзамен, который я каждый раз проваливала. Улицы казались холодными и равнодушными, люди спешили мимо, не замечая меня. Иногда становилось так тяжело, что хотелось просто исчезнуть, раствориться в этом сером небе, чтобы никто не тратил на меня время и силы.

И тогда меня спасал театр. Не как профессия, не как карьера — как убежище. В зале гас свет, поднимался занавес, и на два часа я переставала быть девочкой, которую не принимает город. Я становилась зрителем, который видит чужую жизнь и вдруг понимает: «Я не одна. Кто-то тоже так падал и вставал». Театр вытягивал меня из любой ситуации, возвращал способность чувствовать, даже если это чувство было горьким. Он напоминал, что боль — это тоже часть жизни, и её можно выдержать.

В девятнадцать я закончила колледж и поступила на вышку — в свой любимый альма-матер, СПбТУиЭ, на рекламщика. Это был выбор не про деньги и не про моду, а про возможность снова поверить в себя. Реклама — это про то, чтобы находить голос там, где его не слышат. И я хотела научиться говорить так, чтобы меня услышали.

Параллельно работала сутками напролёт в отелях. Ночи, когда рассвет заставлял меня за стойкой регистрации, когда я улыбалась уставшим гостям и чувствовала, что сама едва держусь на ногах. Но я наслаждалась этой жизнью — не потому, что она была лёгкой, а потому что она была моей. Каждый день, прожитый вопреки тяжести, становился маленькой победой.

Питер всё ещё не принимал меня. Но я уже не так сильно ждала этого принятия. Я училась быть своей собственной опорой. И каждый раз, когда становилось невыносимо, я шла в театр — туда, где свет разгонял тьму, а чужие истории на-

поминали: даже если город молчит, мир всё равно говорит с тобой. Просто на другом языке.

Однажды я пришла в театр не ради спектакля. Был такой вечер, когда даже мысль о чужих историях казалась невыносимой — будто мне не хотелось смотреть, как кто-то справляется с болью, потому что моя собственная вдруг стала слишком громкой. Питер в тот день особенно старался быть холодным: косой дождь, ветер, который будто нарочно швырял капли в лицо, и эта вечная серость, сливающаяся с настроением.

Я остановилась у афиш, не решаясь зайти. В голове крутились дедлайны, смены в отеле, чьи-то недовольные лица гостей, фразы одноклассников, которые я старательно стирала из памяти, но они всё равно возвращались. И вдруг дверь театра распахнулась, и из тёплого света на улицу вышла женщина в длинном пальто — не актриса, не администратор, а просто кто-то, кто задержался после работы. Она заметила, что я стою и не решаюсь войти, и сказала просто, без пафоса: «Если хочешь, можешь посидеть в фойе. Там тепло, и никто не будет тебя трогать. А если не хочешь — тоже нормально».

Я кивнула и зашла. В фойе пахло деревом, старым бархатом и чем-то ещё — тем самым особенным запахом театра, который невозможно спутать ни с чем. Я села на край скамьи. И впервые за долгое время мне не нужно было улыбаться, не нужно было казаться уверенной, не нужно было доказывать, что я имею право здесь быть.

Через несколько минут та женщина принесла мне бумажный стаканчик с чаем. «Выпей, он горячий, — улыбнулась она, — но горячий чай иногда работает лучше любых слов». И это было правдой. Пар поднимался, согревал пальцы, и вместе с теплом приходило тихое понимание: не обязательно, чтобы весь город тебя принимал. Достаточно, чтобы одно место — пусть даже просто фойе театра — разрешило тебе выдохнуть.

С того вечера я стала приходить в чуть раньше, когда зрители только-только начинают приходить. Это давало собраться с мыслями и настроиться на прекрасный вечер.

Постепенно я начала замечать, что учусь не только рекламе и сервису — я учусь видеть. В университете на парах мы разбирали, как история может жить в одном кадре, в одной детали. И я вдруг поняла, что театр уже научил меня этому: там каждая мелочь — часть смысла. Пустая сцена, одинокий стул, луч света в темноте — всё это уже рассказ. И этот навык стал проникать в мою работу: в макеты, в слоганы, в то, как я подавала идею. Я начала видеть не просто «красиво» или «некрасиво», а «говорит» или «молчит».

А в отеле я стала чуть спокойнее. Когда гость приходил уставшим, раздражённым, я уже не принимала это на свой счёт. Я вспоминала, что у каждого своя сцена, свои декорации и свой невидимый зрителю труд. И моя улыбка теперь была не попыткой доказать, что я достойна быть здесь, а маленьким светом — таким же, как луч рампы, который не обя-

зан освещать всё, но может подсветить хотя бы один уголок.

Питер по-прежнему не спешил раскрывать объятия. Но я перестала ждать, что он это сделает. Вместо этого я искала свои места — те, где мне было спокойно. Театр, уютный книжный магазин у метро, скамейка у канала, где в тихие дни слышно, как вода шепчет о чём-то своём. И с каждым таким местом город становился чуть менее чужим.

Однажды на паре по рекламе преподаватель сказал: «Хороший текст — это не про громкие слова. Это про то, чтобы коснуться чьей-то тишины». Я тогда чуть не рассмеялась — потому что поняла: я уже знаю, как это делать. Театр научил меня слышать тишину, а жизнь научила её уважать. И теперь я хотела писать не для того, чтобы меня заметили, а для того, чтобы кто-то, кому сейчас тяжело, мог прочесть и подумать: «Я не один. Кто-то тоже это чувствует».

Спустя время, я села у окна в своей комнате, достала ноутбук и начала писать. Не статью, не курсовую, не рекламный текст — просто историю. Про девочку из Магадана, про ветер с Невы, про фойе, где можно просто посидеть, и про то, что даже если город молчит, всегда найдётся кто-то, кто скажет: «Ты имеешь право быть здесь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.